

Александр БУГАНОВ*

РУССКИЕ КРЕСТЬЯНЕ И СОБЫТИЯ НА БАЛКАНАХ 1875-1878 ГОДОВ

(По материалам последней четверти XIX века)

Русско-турецкая война 1877-1878 годов и предшествовавшие ей события на Балканах вызвали в России невиданное со времени Отечественной войны 1812 года общественное движение в защиту славян. Философ В. С. Соловьев отзывался об этом времени как об одном из самых светлых периодов в истории России с точки зрения роста "положительного сознания" в народе: "Ведь было же у нас в 1876 году, с начала сербской войны, 'поднятие и пробуждение духа', ведь встрепенулись же все слои русского общества и пришли в живое общение, был горячий патриотический порыв, был тесный союз с поработенными братьями и открытая борьба с врагами".¹ Как и Ф. М. Достоевский, горячо обсуждавший Восточный вопрос на страницах "Дневника писателя", Соловьев призывал к подъему национального духа не исключительно в этнических рамках 'русскости', но в более широком, всеславянском масштабе.

В дореволюционный период тема русско-турецкой войны нашла отражение в обзорных трудах.² Основное внимание в них уделялось военным действиям, дипломатической переписке. Лишь в незначительной степени затрагивался вопрос об отношении к войне различных слоев русского общества. Данная проблема стала разрабатываться начиная с 40-х годов нашего столетия.³

* Автор - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

¹ Соловьев В. С. *Сочинения в 2-х томах*, т. 2. М., 1989, с. 208.

² См., напр. *Особое приращение к описанию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове*, тт. 1-6. СПб., 1899-1911; *Описание русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове*, тт. I-X. СПб., 1901-1913 и др.

³ См.: Козьменко И. В. *Русское общество и Апрельское болгарское восстание 1876 г.* / Вопросы истории, 1947, № 5; Фортунатов П. К. *Война 1877-1878 гг. и освобождение Болгарии*. М., 1950; Яковлев Н. Н. *Русское добровольческое движение на Балканах в 1876 г.* / Ученые записки Куйбышевского пед. ин-та 1955, вып. 15; он же. *Народная помощь в борьбе за освобождение балканских славян в 1877-1878 гг.*

Источниковую основу данной статьи составили материалы фонда В. Н. Тенишева из Русского этнографического музея в Санкт-Петербурге и документы, опубликованные в трехтомнике "Освобождение Болгарии от турецкого ига" (тт. 1-3. М., 1961-1967). Указанный фонд содержит ответы корреспондентов частного "Этнографического бюро" князя В. Н. Тенишева на вопросы "Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России". В нем хранятся сведения по 23 губерниям центральной и северной частей России. Рукописные ответы корреспондентов с мест относятся к 1896-1900 гг. Для нашей темы привлекались те ответы, в которых освещалось отношение крестьян к войне (раздел "О русско-турецкой войне"), а также проникновение в их среду вестей и слухов о событиях на фронте (раздел "Вести и слухи").

Вторая группа источников является в основном комплексом полицейских донесений 1875-1878 гг. На страницах первого тома издания "Освобождение Болгарии..." (хронологические рамки тома - от начала событий в Боснии и Герцеговине летом 1875 г. до объявления войны 12 апреля 1877 г.) впервые достаточно полно нашло отражение русское добровольческое движение в Сербию, его социальная среда и побудительные мотивы.

В статье автором поставлены следующие задачи: - выявить источники информации о войне для крестьян в 70-е годы и в последующее время; - показать отношение народа к балканским событиям: как понимали крестьяне характер и цели войны; в каких конкретно поступках выражались их воззрения; какие факты, реалии того периода запечатлелись в коллективной исторической памяти.

Оценка крестьянами того или иного события в значительной степени зависела от степени их осведомленности. В рассматриваемый период информированность простолюдинов о событиях на Балканах была, безусловно, большей, по сравнению, например, с предыдущими войнами. Одним из источников получения сведений с театра военных действий служили газеты. "Крестьянское население, возбужденное доходящими до него по слухам газетными известиями... действительно глубоко проникнуто сочувствием к безотрадному положению славян Балканско-

/ Там же, 1963, вып. 41; Никитин С. А. *Русское общество и национальноосвободительная борьба южных славян в 1875-1876 гг.* / Общественнополитические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957; он же. *Россия и освобождение Болгарии* / Вопросы истории, 1978, № 7; Киперман А. Я. *К вопросу об общественном подъеме в России в связи с балканскими событиями 1875-1878 гг.* / Ученые записки Шуйского пед. ин-та, 1960, вып. 18; Хевролина В. М. *Об отношении русского общества к войне за освобождение Болгарии от турецкого ига* (документальные материалы Центрального государственного архива Октябрьской революции) / Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М., 1964, вып. 40; Русско-турецкая война 1877-1878 гг. М., 1977; Бескровный Л. Г., Нарочницкий А. Л. *Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и ее историческое значение.* М., 1978; Виноградов В. И. *Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и освобождение Болгарии.* М., 1978; Хитрова Н. И. *Россия и национальноосвободительная борьба на Балканах 1875-1878.* М., 1978; Нарочницкая Л. И. *Россия и национально-освободительное движение на Балканах 1875-1878 гг.* К столетию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. М., 1979; *Россия и восточный кризис 70-х гг. XIX в.* Сб. статей. М., 1981 и др.

го полуострова,⁴ - сообщалось в рапорте начальника Псковского губернского жандармского управления. Один из полицейских чинов Симбирской губернии сообщал в Москву о настроениях местных крестьян: "Все ожидают с нетерпением газет, и, смотря по известиям с театра войны, или радуются или печалются". Сходная оценка роли прессы в "возбуждении и доведении народного настроения до настоящей степени напряженности" содержалась и в донесении шефу жандармов Н. В. Мезенцову из Московской губернии.⁵ Встречались, конечно, и данные противоположного характера. В Грязовецком уезде Вологодской губернии, например, ход войны "положительно не был известен за неполучением никем из крестьян газет или ведомостей". На плохую осведомленность крестьян о войне указывали корреспонденты Этнографического бюро из Тверской, Владимирской, Ярославской губерний.⁶

Нечасто, но все же встречаются сообщения о том, что в ряде мест зажиточные крестьяне получали в это время газеты, которые ходили по рукам и читались при большом многолюдстве (Новоладожский уезд С.-Петербургской губернии). В Череповецком уезде Новгородской губернии местные купцы и деревенские интеллигенты постоянно выписывали газеты, а во время войны газеты поступали значительно чаще. Крестьяне победнее сами, случалось, выписывали вскладчину какую-нибудь недорогую газету или листок. В деревне Поладыно поставщиком и чтецом газет был торговец гвоздями Михаил Васильевич Заводчиков: "Сдаст Заводчиков гвозди ... а потом непременно речь о войне: 'А что, Николай Степанович, пишут про войну-то?', - спрашивает он у хозяина, и хозяин, часто относящийся к кузнецу-мужику с насмешкою, высокомерием, в данном случае начинает серьезно и толково, насколько сам может, объяснять о событиях с театра войны. В праздничный день, а иногда и в будни, как выдается часок, мужики идут к Заводчикову и просят почитать про войну газету или рассказать на словах, что пишут и что слышно с войны".⁷

В другом селе Череповецкого уезда газету выписывал приходский священник. Как только приходила почта, многие крестьяне бросали полевые работы и спешили к нему за вестями с фронта. Номер газеты выпрашивали, и он ходил из деревни в деревню, пока не истрепывался в лоскутки. "Работа работой, а я уже всегда бегал к отцу Садофью за газетиной", - рассказывал позднее местный крестьянин.⁸

Газеты читали и слушали в трактирах, которые в деревнях долгое время являлись своего рода клубами. Во многих селениях "идут в кабак не для того, чтобы пить или выпить ... кабак привлекает к себе как место, где можно услышать всевозможные новости..." (Владимирский уезд Владимирской губернии, 1899 год).⁹ В одной из деревень Зара-

⁴ *Освобождение Болгарии...*, т. 1, с. 458.

⁵ Там же, т. 1, с. 468.

⁶ Русский этнографический музей, фонд 7, опись 1, дело 215, лист 43 (далее в ссылках на РЭМ будут указываться только номера дел и листов); дд. 1726, 58, 1820.

⁷ Там же, д. 805, л. 1 об.

⁸ Там же, д. 838, л. 1.

йского уезда Рязанской губернии жители даже поставили перед хозяином трактира непереносимое условие, чтобы тот выписывал газету. Уходя, пригрозили: "Не выпишешь, не будем к тебе ходить".¹⁰

Известия о войне, почерпнутые из газет, проникали в селения от крестьян, возвращавшихся из городов с заработков. О ходе боевых действий узнавали также из проповедей священников в церквях. В Дорогобужском уезде Смоленской губернии "местные не пропускали ни одной церковной службы, желая что-нибудь услышать про воинство".¹¹ В ряде случаев до крестьян доходили книги и брошюры благотворительных учреждений.

Известия о войне содержались, конечно же, в письмах родных и односельчан с фронта. С особой подробностью в них описывались тяжелые условия походной жизни, а также, "кто из знакомых убит или ранен, когда, как тяжело... Читались эти письма всюду на улице, потом крестьяне пересказывали их содержание членам своей семьи" (Спасский уезд Казанской губернии).¹²

Вести и слухи распространялись быстро, например, известие о падении Плевны стало известно "не позже как на пятый день в самых отдаленных уголках Ефремовского уезда Тульской губернии".¹³ В качестве "разносчиков" вестей и слухов корреспонденты Этнографического бюро называли в первую очередь прохожих людей, останавливавшихся у крестьян для ночлега: солдат, странников, богомольцев, нищих и др. С наибольшим доверием относились, правда, к известиям, исходящим от деревенской интеллигенции.

После окончания войны картина минувших событий выстраивалась на основе рассказов и воспоминаний вернувшихся с войны солдат. Они пользовались среди крестьян большим авторитетом. Вокруг бывалого фронтовика собиралась молодежь, и он с чувством и воодушевлением рассказывал о прошедших славных временах, особенно, о тех сражениях, в которых принимал участие.

Корреспондент Этнографического бюро К. Григорьев в 1900 году сообщал из Калужской губернии: "Рассказов о последней турецкой войне очень много, и притом самых разнохарактерных, смотря по рассказчику: крестьяне от 40 лет, которые были еще молоды в 77-м и 78-м годах - передают довольно правдиво народные волнения того времени".¹⁴

Из Новоладожского уезда С.-Петербургской губернии в 1898 году Бюро информировал В. Максимов: "Теперь, когда среди крестьян проживает много солдат, побывавших на турецкой войне, часто слышатся рассказы о солдатском житье на чужой стороне, о тамошних местах и о народах, там живущих".¹⁵ В селе Пречистом Ростовского уезда Яро-

⁹ РЭМ, д. 11, л. 5 об.-6.

¹⁰ Там же, д. 1453, л. 52.

¹¹ Там же, д. 1589, л. 1.

¹² Там же, д. 975, л. 44; см. также д. 838, л. 1 об.

¹³ *Освобождение Болгарии...*, т. 2. М., 1964, с. 350.

¹⁴ РЭМ, д. 551, л. 2.

¹⁵ Там же, д. 1471, л. 4-4 об.

славской губернии "пришедший сюда по окончании службы солдат рассказывал ... о разных подвигах русских солдат и офицеров в последнюю русско-турецкую войну и при этом уверяет слушателей, что нет никого во всем мире сильнее русского войска".¹⁶

С появлением в деревнях участников войны к известиям, полученным из официальных газетных сводок, прибавились живые рассказы о конкретных эпизодах войны, о положении в армии. Кроме упомянутых случаев, корреспонденты Этнографического бюро зафиксировали бытование рассказов и воспоминаний участников русско-турецкой войны в Вятской, Новгородской, Пензенской, Смоленской губерниях.¹⁷

С самого начала балканских событий массовый характер приобрели крестьянские пожертвования в пользу южных славян. "Сочувствие явно обрисовывалось в простом необразованном классе" (из текста полицейского донесения); в большинстве губерний суммы пожертвований крестьянами существенно превышали пожертвования дворян, купечества, мещан. В одном из публичных выступлений осенью 1876 года возглавлявший Славянский Комитет в С.-Петербурге И. С. Аксаков заявил, что пожертвования по общественной лестнице шли в обратной прогрессии: чем выше, чем богаче, тем относительно слабее и скуднее. Из 15 тысяч рублей, собранных к концу октября 1876 года в Псковской губернии, 12 тысяч внесли крестьяне, 3 тысячи - жители городов. Сходная информация содержалась в рапорте начальника Ярославского губернского управления шефу жандармов Н. В. Мезенцову: с середины июня до ноября 1876 года в пользу славян поступило пожертвований через местные волости до 35 тысяч рублей серебром, 80% пожаловано крестьянами, 15% - служащим сословием, 5% - дворянством и купечеством.¹⁸

В итоговом докладе самого Мезенцова Александру II об отношении различных классов России к освободительной борьбе южных славян и возможной войне России с Турцией подчеркивалась готовность русских к пожертвованиям: с получением известий о том, что "наши братья-славяне, наши единоверцы страдают под игом неверных ... воодушевление охватило народную массу, и трудовые копейки стали поступать на жертву страждущих братьев..."¹⁹

Формы пожертвований были различны - от передачи властям или общественным комитетам денег и вещей до помощи семьям солдат, призванных в армию. В небольшом селе Марфино Московской губернии с 10 по 19 октября 1876 года было собрано: полотна, холста, ситца - 84,5 аршина; 55 платков - из них 9 шерстяных и 11 шелковых; 1 овчинная шуба; женских платьев, юбок, фартуков - 16 штук; разной детской одежды - 8 штук, корпии для перевязок раненых - 12 фунтов.²⁰ В одной из деревень Орловского уезда Орловской губернии все до единого жители вложили в кружку в пользу раненых по рублю с домохозяина, а некото-

¹⁶ Там же, д. 1813, л. 13-14.

¹⁷ Там же, дд. 446; 729, 755; 838; 1358, 1388; 1571.

¹⁸ *Освобождение Болгарии...*, т. 1, с. 486.

¹⁹ *Освобождение Болгарии...*, т. 1, с. 507.

²⁰ См. Нарочницкая Л. И. указ соч., с. 26.

рые и более. Многие крестьянские общества жертвовали холст для перевязок и бинтов. В Череповецком уезде Новгородской губернии женщины по праздникам щипали корпию. Прием пожертвований прои-зводился по деревням, потом они переправлялись в село Улом, а уже оттуда направлялись в Череповецкое отделение Красного креста. Уломский священник за обильный сбор пожертвований был награжден знаком Красного креста.²¹

В 1878 году в Тамбовской губернии крестьянские общества Борисоглебского, Тамбовского, Кирсановского уездов жертвовали по подписке на строительство русского флота.

Крестьяне перевозили призывников, безвозмездно снабжали продовольствием проходившие через их деревни войска. Корреспондент Этнографического бюро в 1899 году зафиксировал рассказы крестьян Орловского уезда Орловской губернии о том, как во время войны местные "богатые крестьяне давали лошадей бесплатно, чтобы подвозить сухари, одежду и т. п."²²

Народное отношение к угнетению братьев-единоверцев ярко выразилось в добровольческом движении.²³ После начала боевых действий Сербии с Турцией с июня по октябрь 1876 года "на заступу" славянам отправились несколько тысяч добровольцев, в том числе и крестьяне. Из Астраханской, Пензенской, Симбирской, Московской, Курской и других губерний полицейские власти указывали на наличие многих желающих отправиться в Сербию. В С.-Петербурге царский агент, наблюдавший за деятельностью Славянского комитета, сообщал, что "между волонтерами ... очень часто являются теперь крестьяне, пришедшие на заработки в Петербург и его окрестности и окончившие уже свои контракты с подрядчиками".²⁴

Приведем некоторые частные случаи. Сорокалетний крестьянин Казанской губернии Терентьев работал приказчиком у лесоторговца и получал 1200 рублей в год жалованья. У него была старуха мать, жена и трое детей. Услышав о бедствиях славян, он продал собственный унжак и отправился в Сербию на свои средства. Поступок Терентьева вдохновил двух его бывших подчиненных - судорабочих. Они пришли в Казани к местному влиятельному лицу и выразили желание ехать в Сербию. На вопрос, что заставляет их ехать туда - не нужда ли? - крестьяне отвечали, что они живут не хуже других, а желают помочь славянам *по душе*. При этом указали на своего бывшего хозяина Терентьева, который бросил прибыльное дело и хорошее жалованье: "Душа не выносит того, что делается теперь в тех местах".

Трое молодых братьев, помещики Симбирской губернии, также решили ехать в Сербию. За свой счет они снарядили четырех деревенских добровольцев, из которых один был крестьянин и трое отставные

²¹ РЭМ, д. 805, л. 2.

²² Там же, д. 1105, л. 2.

²³ См. Кузьмичева Л. В. *Русские добровольцы в сербско-турецкой войне / Россия и восточный кризис...*, с. 90.

²⁴ *Освобождение Болгарии...*, т. 1, с. 380

солдаты, и все вместе направились в Москву в Славянский Комитет. С собой они взяли 45 рублей, пожертвованных крестьянами и бывшими дворовыми людьми их селения.²⁵ В некоторых городах к членам Славянского Комитета и к сословным представителям являлись юноши 17-20 лет и просили только одного: довести их бесплатно до границы, включив в партию. Множество женщин крестьянского и мещанского сословия изъявляли готовность ехать в Сербию для ухода за ранеными...

Манифест 12(24) апреля 1877 года об объявлении войны с турками произвел "громоздкое впечатление на народ". Сознывая, что "война есть одно из величайших народных бедствий", испытывали некоторый страх за ее исход, боялись новых налогов, усиленного призыва в войска новобранцев. В Череповецком уезде Новгородской губернии весть о начале войны, по словам местного священника, была принята народом не с радостью, как ожидалось, а сосредоточенно, серьезно. Спустя некоторое время после начала войны в одной из деревень Тамбовской губернии был сельский сход, во время которого отставной рядовой Варфоломей Поздняков рассказывал, как турки берут "наших" в плен и закапывают их живыми в землю. Крестьянин Иван Матвеев Скребнев рассудил: "Куда идет наш царь? Поди к тебе в дом, и ты что-нибудь станешь делать... Всякий за свое стоит".²⁶

И все же манифест явился в такой благоприятный момент сознательной жизни народа, что лучшей подготовленности политической ситуации трудно было себе представить. Преобладали уверенность в непобедимости русской армии и доверие ее начальникам и Государю - "уж ежели наш государь объявил войну - значит, воевать будем за правду, за православную веру, за каких-нибудь обиженных".

При призыве на войну многие "забракované" заявляли о желании служить добровольцами, а зачисленные на службу просили отправить их в Действующую армию. Иные самостоятельно направлялись в Кишинев, чтобы определиться в Дунайскую армию охотниками или вольноопределяющимися. В конце апреля 1877 года министр внутренних дел А. Е. Тимашев докладывал Александру II об успешном проведении второй частичной мобилизации: "По общему отзыву губернаторов запасные люди собирались везде быстро и охотно... Уклонившихся от явки по призыву не было".²⁷

В Орловском уезде Орловской губернии некоторые крестьяне "решились тогда бросить семьи и идти на войну, чтобы сразиться с неверными за православную веру. Об этом охотники сообщили волостному старшине и просили его передать об этом куда следует. Из деревни пошло на войну пять человек крестьян, и их обществом наградили как следует".²⁸ В народе считали, что если умрешь на войне за Христову веру, то Господь грехи отпустит.

²⁵ Русские добровольцы 1876 г. С.-Петербург, 1876, сс. 7, 12.

²⁶ РЭМ, д. 838, л. 1; Государственный архив Тамбовской области, ф. 4, оп. 1, д. 2792, л. 7.

²⁷ *Освобождение Болгарии...*, т. 2, с. 51.

²⁸ РЭМ, д. 805, л. 2.

Мотивы войны объясняли тем, что нехристи-турки стали бить и мучить православных христиан, склоняя последних принять мусульманскую веру. Вот что рассказывал в конце XIX века крестьянин деревни Издешково Вяземского уезда Смоленской губернии Андрей Сергеев, бывший во время войны сельским старостой: "За два года еще до войны пошли слухи меж народом, что турки режут христиан, что муку мученическую терпят от них христиане ... Знали мы, что милостив наш батюшка-царь, думали, а некоторые и вслух говорили: "Что же это царь-то наш батюшка поганым туркам своих в обиду дает? Ну вот, Андрей Кузмич, слышно нам стало, что посылать стал царь-то потихоньку народ на заступу туда, да, верно, и для того, чтобы, значит, раздражить на себя турок. Знамо, почему царю нельзя самому начать войну".²⁹

О сходных объяснениях причин войны сообщалось также в корреспонденциях из Казанской, Пензенской, Ярославской губерний.³⁰ Встречались, правда, и довольно парадоксальные толкования: "Как погнались наших солдат в Турцию, так, господи, какой переполох пошел между деревенскими... говорили, француз поднялся, хочет отомстить за 12-й год"³¹ (здесь интересна взаимосвязь современных крестьянам событий с Отечественной войной 1812 года - прямое свидетельство народной памяти о героических страницах прошлого).

Во время войны народ "усерднее" посещал церковь. Радость по поводу побед выражалась в благодарственных молебствиях. В Хвалынском уезде Саратовской губернии, "если наша брала, то служили молебен, а если доходил слух, что турки били наших, то больше плакали и молили Бога, чтобы помог одолеть поганого врага, служили по убитым панихиды".³² Мать крестьянина Ивана Столярова во время войны молилась о сохранении жизни ее мужа. Она дала обет, если Господь внемлет ее просьбе, сходить в Киево-Печерскую лавру. Данный обет она исполнила, прошла пешком в лаптях, с котомкой за плечами более 1500 км в оба конца.³³

В рассказах о войне преобладали воспоминания об отдельных битвах. Когда слушали о затянувшейся осаде Плевны, философски замечали: "Видно, брат, всякий за свое стоит... да и турки-то не промах: удумал, где надо дорогу загородить" (Кадниковский уезд Вологодской губернии). В Шуйском уезде Владимирской губернии один из местных, участник войны, рассказывал "об ужасах" перехода через Балканы. Чаще всего припоминали военные успехи, выпавшие на долю русских солдат; "многие местности театра войны и до сих пор сохранились у некоторых в памяти: Дунай, Плевну, Шипку, Адрианополь, Ардаган, Карс, Эрзерум и другие тогдашние чтецы газет помнят" (1899 год, Череповецкий уезд Новгородской губернии).³⁴

²⁹ Там же, д. 1471, л. 5.

³⁰ Там же, д. 434, л. 54; дд. 475, 1388, 1820.

³¹ РЭМ, д. 551, л. 2.

³² Там же, л. 3; д. 1589, л. 1; д. 1490.

³³ Столяров И. *Записки русского крестьянина*. Париж, 1986, с. 35.

³⁴ РЭМ, д. 58, л. 1; д. 805, л. 1 об.

На общем фоне преимущественного интереса к боям и сражениям выделяется информация А. Балова из Ярославской губернии. По его словам, весьма часто приходилось слышать от бывших солдат рассказы о тех злоупотреблениях, которые допускались в войсках интендантским ведомством, поставщиками и т.п.³⁵ Однако, казнокрадство, огрехи командования, воровство никоим образом не сопрягались в народном сознании с царской властью.

Довольно четко очерчен круг исторических деятелей, завоевавших признание в связи с событиями на Балканах: император Александр II, военачальники М. Г. Черняев, М. Д. Скобелев, И. В. Гурко, Ф. Ф. Радецкий.

Александр II, царь - Освободитель от крепостного права, стал еще более популярным в народной среде, приняв непосредственное участие в русско-турецкой войне. В наши дни мало кому известно, что император провел 8 месяцев в действующей армии, начиная от перехода Дуная до падения Плевны. Кроме Александра II из династии Романовых в военных походах участвовали цари Алексей Михайлович и Петр Великий; на переднем крае бывали Александр I, Николай I, Николай II, но государь Александр Николаевич был, пожалуй, единственным, кто находился с армией *только в самый трудный* период войны. После осады Плевны император отбыл в Петербург, предоставив лавры победоносной кампании своему брату - главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу - и войскам.

Царь исполнил заповедь христоролюбивого воина: прилично быть первому в трудах и последним у награды. Участник военных действий Л. М. Чичагов вспоминал: "Александр стремился стать не во главе своего мочугочего и воодушевленного народа, где было довольно начальников и руководителей, а за ним, дабы принимать в свои объятия героев-раненых, покидающих позиции с разбитым сердцем и падающих духом".

Чичагов описывал множество устроенных царю народных встреч с колокольным звоном, восторженным многотысячным "Ура!". В селе Павло в госпитале государь осматривал палаты с тифозными и горячечными больными, награждал умирающих медалями и крестами. При осаде Плевны он посетил Санитарный отдел государыни цесаревны и госпиталь: "Едва пронеслась между ранеными весть об ожидающем их счастья, как вместо ... господствующего в госпиталях унылого молчания, прерываемого страдальческими стонами, все вдруг зашевелилось, все радостно заговорили, все лица просияли, со всех сторон слышались возгласы умиления, все целовали Его одежду, все благословляли священное имя Царя-Освободителя..."³⁶

Александр Николаевич стремился быть в том месте, где никто не мог заменить народу Царя. "Я иду братом милосердия", - говорил государь многим в Петербурге. Он приехал в действующую армию "на во-

³⁵ Там же, д. 1820, л. 29.

³⁶ Чичагов Л. М. *Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 году*. С.-П., 1995, сс. 178, 207, 379.

льную страсть, моля Господа о смягчении страданий христолюбивого его воинства”, и восемь месяцев своей жизни посвятил подвигу истинного христианского милосердия.

И в 70-80-е годы, и в последующие десятилетия личность этого монарха служила отправной точкой в воспоминаниях русских о той войне: ”Царь наш Александр был жалостливый и добрый, заступился за христиан, пошел войною на турка...”; ”царь-батюшка заступился за крещеных-православных людей” (Саранский уезд Пензенской губернии, Череповецкий уезд Новгородской губернии).³⁷

Главкомандующим сербской армией в 1876 году был назначен генерал Черняев. По доношению начальника С.-Петербургского жандармского управления Н. С. Бирин в III отделение, ”крестьяне считают Черняева ниспосланным Богом на защиту крестьянства, и их вера так велика в него, в то, что он непременно прогонит турок из Европы и восстановит православную веру на всем Балканском полуострове”.³⁸ В письме Черняеву И. С. Аксаков писал: ”Не забывайте, что вы теперь самое народное имя в России, что на всем ее пространстве поются молебны с многолетием христолюбивому и братолюбивому вождю славянского воинства, рабу Божию Михаилу”.³⁹

Вероятно, пик популярности Черняева пришелся на время войны. В документах тенишевского архива конца столетия его имя не встречается - на первый план выдвинулись имена генералов Гурко и Скобелева. В Орловском уезде Орловской губернии крестьяне рассказывали, как Скобелев с Гурко отстали от войска и турки хотели их взять в плен, но не смогли. В Саранском уезде Пензенской губернии весьма ценились книги про Скобелева и Гурко.⁴⁰

Скобелева почитали особо. В действующей армии солдаты кричали ”Ура!”, когда он проходил мимо их палаток. В статье о феномене Скобелева исследователь Х. Роджер очень выразительно писал: ”В последние пять лет свое/ жизни (полководец умер в 1882 году - А. Б.) и некоторое время впоследствии, Скобелев был самым известным и популярным человеком нации. Русские и иностранцы ... называли его идиолом русских людей ... красным панславистом и народным героем, славянским Гарибальди... Его картины висели в самых скромных крестьянских лачугах, принесенные сюда в сумке коробейника среди икон и дешевых гравюр, где наш герой часто появлялся в окружении мифических и исторических фигур национального пантеона”.⁴¹

И через двадцать лет, в конце столетия в народе любили вспоминать о ”белом генерале”. Солдаты, участники войны, уверяли, что Скобелев всегда ездил в романовском полушубке белой дубки и знал заговор против пуля. На территории Борисоглебского уезда Яросла-

³⁷ РЭМ, д. 1388, л. 1; д. 838, л. 1.

³⁸ *Освобождение Болгарии...*, т. 1. М., 1961, с. 463.

³⁹ Там же, с. 386.

⁴⁰ РЭМ, д. 1105, л. 4; д. 1390, л. 12.

⁴¹ Rogger Hans. The Skobelev Phenomenon: the Hero and his Worship / Oxford Slavonic Papers, Volume IX. Oxford, 1976, p. 46.

вской губернии "чаще всего приходится слышать рассказы о генерале Скобелеве". В Дорогобужском уезде Смоленской губернии "большой симпатией пользуется Скобелев и время его славных подвигов".⁴² В Тарусском уезде Калужско губернии Скобелева, наряду с Суворовым и Кутузовым, считали избранниками Божиими, которым была известна "Планида небесная".⁴³ Как и его славные предшественники, Скобелев, с точки зрения крестьян, неизменно выходил победителем в сражениях, и "если бы не он, то нашим досталось бы плохо". Если речь все же заходила о неудачах, говорили, что Скобелева не было при этом.

Довольно ощутимо и социальное звучание образа. Подобно Кутузову и Платову, Скобелев противопоставлялся "изменщикам-генералам". В селе Вассы Щелкановской волости Мещерского уезда Калужской губернии "одни хвалили наших генералов, другие корили: они-де изменники, царь им не верит... Дальше стало известно, что наших под Плевенью много даже полегло оттого, что генералы изменили. Один только Скобелев героем оказался и велел солдатам стрелять своих начальников, если они будут бояться турок или изменять".⁴⁴

Упоминания о полководце встречаются, помимо указанных случаев, в сообщениях из Владимирской, Вологодской, Калужской, Новгородской, Орловской, Рязанской губерний.⁴⁵

Во время войны пронзительно звучала тема славянского единства: воевали за своих *братьев-славян*. Вместе с тем, в некоторых местностях рассказы участников событий сформировали дифференцированное отношение к участвовавшим в войне славянским народам. Например, в Мещерском уезде Калужской губернии особенно восторженно отзывались о черногорцах: "Вот кто молодцы! Последним делились и храбры как черти!"⁴⁶

Так как главная причина войны виделась в защите христиан от мусульманского ига, то многих крестьян приводило в недоумение враждебная позиция англичан и австрийцев - тоже христиан. В это время оживились воспоминания о Севастопольской обороне, когда Англия была противником России. Англию и ее жителей звали вольше женским именем - *англичанка* (иные даже знали, отчего это было так: "там всегда бабы царствуют, такой уж порядок заведен").

В Череповецком уезде Новгородской губернии поступление печальных известий с войны крестьяне объясняли тем, что "все англичанка портит дело: она помогает туркам". Жители Зарайского уезда Рязанской губернии и в конце века были убеждены: не помешай *англичанка*, русские непременно бы взяли Константинополь и завоевали бы всю Турцию. Об австрийцах отзывались лаконично - "австрийск не раз нас подводил" (Юхновский уезд Смоленской губернии).⁴⁷

⁴² РЭМ, д. 1820, л. 29; д. 1585, л. 13.

⁴³ Там же, д. 555, л. 3.

⁴⁴ РЭМ, д. 551, л. 2.

⁴⁵ Там же, дд. 52, 186, 274, 379, 521, 551, 555, 818, 950, 1467.

⁴⁶ Там же, д. 838, л. 1 об.; д. 551, л. 43.

⁴⁷ Там же, д. 805, л. 2; д. 1449, л. 37; д. 963, л. 34; д. 1694, л. 7.

От военного времени сохранились и имена некоторых турецких генералов. Их оценка, в отличие, например, от оценок Наполеона, однозначно отрицательная. Во многих местностях фамилии турецких пашей сделались бранными словами. Османом стали называть человека упрямого, часто несогласного с другими: "Экой ты Осман, настоящий Осман-паша!"; Мухтара помнили по кличкам собак.⁴⁸

Думается, приведенные в статье факты и примеры убеждают, что в условиях войны в народном сознании нераздельно слились религиозное, патриотическое, национальное чувства. Поскольку борьба шла с *басурманами, нехристями*, тема защиты братьев по вере звучала очень отчетливо, определяя характер войны и отношение к ней большинства русских. Многочисленные пожертвования, добровольное участие в национально-освободительном движении южных славян свидетельствовали об осознании общности интересов славян в целом.

Александар БУГАНОВ

*РУСКО СЕЉАШТВО И ДОГАЂАЈИ НА БАЛКАНУ
1875-1878. ГОДИНЕ*

(По материјалима њосљедње чейврѣшине XIX вијека)

Резиме

Руско-турски рат 1877-1878 изазвао је, послје Отаџбинског рата 1812. године, незапамћен друштвени покрет у Русији ради заштите Словена. У чланку је аутор истакао следеће задатке: приказати изворе информација о рату којим је располагало сељаштво седамдесетих година и након тога и показати однос руског народа према догађајима на Балкану. Као један од извора информација служиле су новине. Извјештаје о рату садржавала су, разумљиво, писма рођацима и пријатељима из села, писана са фронта. Са доласком у села учесника рата, пристизале су и свјеже информације и живи описи ратних епизода и стања у војсци. Од самог почетка балканских збивања, прикупљање прилога у корист Јужних Словена добило је масован карактер међу руским сељацима, при чему су приложене суме сељака превазилазиле прилоге дворјана, трговаца и грађанства. Однос народа према угњетеној јединојерној браћи био је јасно изражен и кроз добровољачки покрет. У чланку је прецизно описан и круг истакнутих посленика који су заслужили признање у вези са догађајима на Балкану. У вријеме рата снажно је звучала порука словенског јединства: *рашовајши за своју браћу Словене*. Аутор наводи бројне историјске чињенице и примјере које увјеравају да се у условима рата у народној свијести остварило чврсто јединство религиозних, патриотских и националних осјећања.

⁴⁸ РЭМ, д. 805, л. 2; см. также д. 1390, л. 13.